

Автор: Омецинский Д. (Украина)

Данную статью следует рассматривать как развитие проблематики, поставленной в статье С.Б. Есельсона (Есельсон, 2011).

Недавно в одной украинской газете мне на глаза попался материал о порядке получения разрешений на занятие так называемой «нетрадиционной» медициной. Информация показалась любопытной и вызвала массу вопросов, выходящих далеко за рамки конкретного государства и врачебной деятельности.

Для начала, сам термин «нетрадиционная медицина». На первый взгляд, сюда должны относиться лечебные практики без выраженной традиции передачи. Ну, например, ударило человека молнией, он выжил — и обрел он дар видеть и лечить болезнь. Либо ему так показалось. Традиции за этим не просматриваются. Но реально под этим словосочетанием чиновники, а также большинство врачей и пациентов подразумевают любую практику, отличную от современной научной медицины. Нет смысла спорить о могуществе и эффективности научной медицины — она творит чудеса. Здесь вопрос в принципе. Одну, научную, традицию объявляют традиционной, а другие традиции — нет. А ведь некоторые из них насчитывают тысячи лет развития и непрерывной передачи — гораздо больше, чем европейская наука. Из очевидных примеров, с которыми мне довелось соприкоснуться лично — это аюрведа, традиционные китайские системы целительства и тибетская медицина. Просто дико слышать, как их называют нетрадиционными! Думаю, никто не будет спорить, что перечисленные практики — это многовековые традиции, со своими каноническими текстами, великими врачами прошлого, а также способом передачи — то есть с культурой само-воспроизводства. У каждой из них есть своя система представлений о мире и о человеке, пусть иногда

радикально отличная от общепринятой на настоящий момент в научном сообществе. Каждая имеет свой уникальный способ воспроизводства — передачи из поколения в поколение накопленной совокупности знаний, опыта и практики, причем этот способ может быть совершенно не похож на современный университет или школу.

Ну да не в терминах дело. Это всего лишь иллюстрация того, что наша европейская цивилизация относится к другим культурам со снобизмом и превосходством, не замечая либо не считая полноценными традиции, живущие в них. И возникают сегодняшние реалии — непризнание других традиций, которое приводит к тому, что они практически оказываются вне закона на территории многих современных государств.

Украинское законодательство — тому подтверждение. Согласно ему разрешать практику «не»-традиционному целителю должны чиновники Минздрава, а своеобразный экзамен на компетентность принимают дипломированные врачи. Для аттестации, в частности, необходимо поставить диагноз минимум десяти пациентам так, чтобы он согласовывался с диагнозом, установленным «традиционным» способом. Чего не учли чиновники? — Того, что само представление о диагнозе может быть совершенно иным в других медицинских культурах. Может быть иной язык и способ описания болезни, в том числе даже не привязанный к общепринятой анатомии и физиологии. Например, китайский доктор определит недостаток ян в канале селезенки либо избыток огня в печени, либо скажет, что канал сердца забит. А тибетский врач будет говорить о дисбалансе ветра и желчи в почках. Ну, какое заключение может сделать доктор с европейским образованием о таком диагнозе? Не абсурдно ли, что решение о компетентности мастера из одной культуры принимают специалисты из другой? Нам же не придет в голову поручать тибетскому ламе принимать экзамен в православной семинарии по Священному писанию!

Особенно бестолково выглядит ситуация вокруг акупунктуры. Получается, что

дипломированный врач после трехмесячных курсов может легально тыкать иголки, а китайский мастер в шестнадцатом поколении, потративший полжизни на освоение своего искусства, — нет. А все потому, что у него нет документа. Возникает естественный вопрос: кто у кого метод перенял, кто кого учить и экзаменовать должен? Ведь для китайца его искусство — целый мир, он видит, чувствует точки, меридианы, они для него настолько же реальны, как сосуды и нервы для европейского врача. Китайские мастера обычно с детства практикуют цигун, управляя циркуляцией ци в своем теле и вокруг себя. Для них тыканье игл — не механистический отчужденный акт воздействия на объект. Не так, как в западной медицине — дал таблетку, сделал укол, вырезал орган. Здесь другое. Врач и пациент во время лечения становятся единой системой, они взаимодействуют посредством иглолок, а лечит прежде всего врач, а не иголки. Научить этому за три месяца или даже года человека другой культуры и мировоззрения практически невозможно. Надо изначально жить в этой реальности — инь-ян, потоков ци, каналов.

Для адептов западной медицины отношение превосходства к носителям традиционных китайских практик вполне понятно. За ними стоит торжество и всемогущество научного метода. Западная рефлексотерапия базируется на современной физиологии и неврологии, а все эти китайские разговоры насчет каналов и ци — ненаучное мракобесие и наследие темного прошлого. Но так ли это? А вдруг представления о циркуляции ци — не архаичный пережиток, а будущее медицины? Наука ведь тоже не стоит на месте и системы представлений тоже периодически подвержены ревизии. Достаточно хотя бы немного вспомнить историю, скажем, той же физики.

Другим существенным различием между современными западными и многими восточными традициями является способ передачи. Для нас уже стало привычным, что специалист, будь то в медицине или же другой области — это человек, выполнивший программу учебного заведения университетского типа, сдавший экзамены и получивший аттестацию в виде диплома. Считается, что современная модель образования — оптимальный способ передачи знания и опыта. Но такой способ далеко не единственный. В Китае, например, традиционно существовала практика передачи учения из поколения в поколение в рамках одной семьи. Был еще способ, не привязанный к родству, когда мастер выбирал себе одного или нескольких учеников и постепенно передавал им свой опыт. Нечто похожее существовало, кстати, и в Европе

среди ремесленников до появления мануфактур и массового производства. Ремесло передавалось в пределах семьи или же, как вариация, среди членов цеха. Важным отличием такого способа от привычного университетского является то, что мастер вел ученика долго, передавая не просто конкретный предмет, а все свои знания и жизненный опыт, включая этику, нравственные принципы, мотивацию, свои духовные переживания, особые состояния сознания и энергетику. Фактически процесс обучения состоял в том, что ученик жил рядом с мастером, они вместе работали, общались, ели. Колледжи в средневековых европейских университетах были, по всей видимости, построены по схожему принципу. Недаром слово колледж означает место совместного проживания. Да, профессора, преподаватели, аспиранты и студенты жили под одной крышей и обедали за одним столом. В современном европейском образовании сохранились отголоски той системы в виде стажировки и интернатуры. Только здесь предельно редуцирован личностный момент, а стажировка представляет собой скорее освоение стандартных практик, принятых в некоторой производственной структуре или корпоративной среде, а не передачу целостного личного опыта.

Скорее всего, не все практики и не все знания можно передать в виде отчуждаемого текста или же в рамках университетской системы. Наглядный пример тому НЛП. Изначальная задумка была в том, чтобы алгоритмизировать, сделать доступным к массовой отчужденной передаче опыт великого психотерапевта Милтона Эриксона. Разобрали по косточкам его сеансы, написали кучу книг, построили целую многоуровневую сетевую организацию. А результат? Кто-нибудь из адептов НЛП, включая основателей, научился делать хоть малую толику того, что делал Эриксон в плане психотерапии? Я об этом не слышал. Некоторые из моих знакомых, с сертификатами НЛП высокого уровня, честно это признают.

Не так давно на семинаре известного психотерапевта А.Е. Алексейчика я спросил его о том, какой способ передачи своего подхода «Интенсивная терапевтическая жизнь» он считает оптимальным. «Только практика, — ответил он. — Необходимо поработать у нас в отделении, пройти стажировку, практику групп. Многие могут дать практические семинары с групповой работой, подобные этому. Теория тоже важна, ее можно изучить по книгам. Но теории недостаточно для того, чтобы освоить метод. Есть много прекрасных ученых-психологов, но в плане практической помощи больному, я уверен, любая медсестра из моего отделения сможет сделать намного больше», — был ответ

мастера.

Разницу между академическим знанием и практическим умением хорошо понимал основатель Московского физтеха, где мне посчастливилось учиться, Петр Леонидович Капица. На кафедре физики, к примеру, практически не было штатных преподавателей — читать лекции и вести занятия приезжали действующие ученые из ведущих научных центров Москвы. Кроме того, последние три года обучения фактически представляли собой стажировку на кафедрах непосредственно в исследовательских центрах и лабораториях — в альма-матер мы появлялись один-два раза в неделю.

На первый взгляд может показаться, что способ передачи опыта, принятый в традиционных медицинских практиках востока или боевых искусствах, не может привнести ничего нового в европейскую систему образования. Просто в них акцент на передачу практического опыта доведен до предела, а значение теории минимально. Но не всегда. В тибетской медицине, например, каждый врач должен наизусть выучить огромные тексты трех медицинских тантр, в которых содержится описание всех видов болезней, их причин и способов диагностики. Есть другое, более фундаментальное различие между современной европейской системой обучения и практикой воспроизводства восточных традиций. Это личностный характер передачи, о чем уже говорилось выше. Мастер передает ученикам не просто набор навыков, а целостный образ своей личности, а через него — личности своего учителя, и так, генетически, — вплоть до основателя традиции, до полумифических великих мастеров прошлого. Там нет общепринятых стандартов. У каждого мастера свой набор приемов, движений, рецептов, свой спектр эмоциональных переживаний и состояний сознания. В некотором смысле каждый мастер представляет собой свою собственную школу. Особенно это проявляется в китайских боевых искусствах, где даже для обозначения конкретной школы часто используется имя семьи либо генеалогическое дерево с указанием перечня мастеров, внесших большой вклад в развитие традиции или создавших собственные ответвления. Тезис, которым можно обосновать подобный вид передачи, формулируется просто — считается, что традиция неотделима от личности носителя, неотчуждаема от мастера. Соответственно, передать ее можно только в виде целостного слепка личности учителя, а для этого необходимо время, длительное общение, совместная работа и переживания. Поскольку здесь нет единообразия и стандартов, массовая передача таких традиций в форме университетского образования

невозможна и бессмысленна. Также здесь естественным образом отсутствуют сертификаты, дипломы и степени. Когда мастер считает, что ученик готов, он говорит ему — теперь ты мастер.

Безусловно, в каждой восточной традиции можно выделить отчуждаемую часть. Представления о ци, инь-ян, карта каналов и точек, базовые принципы и движения. Эти знания изложены в книгах и обязательны для освоения учениками. Но парадокс в том, что этих самых отчужденных знаний недостаточно, чтобы передать традицию. Можно до миллиметра копировать движения учителя по видеокурсу, но ты не станешь мастером кунг-фу. Можно досконально выучить расположение точек и каналов, зазубрить, куда и в каком случае надо тыкать иголки, но ты не сможешь вылечить ни одной серьезной болезни.

Собственно, плачевные успехи западной рефлексотерапии это подтверждают. Она пошла по пути копирования внешней формы практики китайской акупунктуры. Ее эффективность далеко не безусловна, часто все можно объяснить эффектом плацебо либо внесением возбуждения в систему, стрессом. Специалисты не считают, что таким способом можно вылечить тяжелые болезни. А китайские мастера лечат и могут простым путем достигать эффектов, неподвластных западной медицине. Хотя верно и обратное. Современная медицина, в частности хирургия и фармакология, могут лечить болезни, перед которыми бессильны китайские мастера. Только вот могут ли они исцелять? Продлить жизнь — да. Вернуть функцию, снять симптом — да. Но все это обычно с побочными эффектами и созданием зависимости от лекарств. Могут ли они вернуть ощущение целостности и здоровья? Если и да, то не для всех.

Кстати, для многих религиозных традиций также характерна неотчуждаемая передача. В христианстве, например, помимо текста Священного писания существует практика посвящения и таинств, берущая начало от апостолов. В буддизме тоже, кроме сутр, есть

линии прямой передачи состояний ума.

Казалось бы, к чему все эти рассуждения о традициях и способах их передачи. Веками в каждой культуре, в разных сферах деятельности, параллельно существовало множество уникальных практик со своим не менее уникальным способом воспроизводства. Научная медицина не мешала акупунктуре, университеты не мешали семейной или цеховой передаче навыков. Ответ прост — глобализация. Всепоглощающий тренд, который подразумевает унификацию и стандартизацию всего и вся. Лицензируется и стандартизируется все большее число видов деятельности. Особенно это касается медицины и образования. Украинское законодательство, приведенное здесь для иллюстрации, скорее правило, чем исключение. Разве где бы то ни было в Европе может легально практиковать тибетский врач? Я о таком не слышал. Акупунктура вроде бы разрешена, но лишь в виде доморощенного псевдонаучного суррогата. У потомственного китайского мастера без диплома шансов легально работать в качестве врача — никаких.

В образовании также закручивают гайки. То, что никто не признает специалиста, сформировавшегося вне системы учебных заведений, понятно. Это решается получением формального диплома в соответствующей области. Путь относительно затратный, но безальтернативный в цивилизованных государствах.

Но дальше — больше. В России, например, пытаются стандартизировать формат образовательной деятельности. Из-за этого, в частности, были проблемы при получении лицензии у небезызвестной читателям журнала Международной школы экзистенциального консультирования. Мол, лекции и семинары — это хорошо. А группы, а экзистенциальный театр, а экзистенциальное путешествие — таких форм образования для государства не существует. Все это, конечно, решаемо. Группу можно обозвать семинаром, хоть это и глупо. Ведь группа позволяет научить тому, чему семинары с

лекциями не могут — вспомним слова А.Е. Алексеичика. Но где гарантия, что на следующем этапе чиновники не придумают ввести стандарт для формата семинара? Звучит абсурдно, а значит, вполне может стать реальностью. А когда оказалось, что программа все время перестраивается, исходя из текущей ситуации в конкретной учебной группе, то выясняется, что это лежит совсем далеко за пределами всякой возможной стандартизации.

Нет необходимости обосновывать, что глобализация представляет собой угрозу многообразию. Это общий тезис, он относится к традициям, ремеслам, искусству, языкам и даже целым культурам. По сути, глобализация — это воцарение единых стандартов всего и вся, единого мировоззрения, единой экономической системы и социального устройства, глобального информационного и культурного пространства. Это уже происходит. Попытки формировать демократии во всех странах по образу мирового гегемона, болонский процесс стандартизации в образовании, ВТО, Euronews — все это части глобального движения к всеобщей унификации, которая, по-видимому, является неизбежной целью цивилизации, доминирующей сейчас на нашей планете. Что будет после? Будет ли вообще эта цель достигнута? На ум сразу приходит легенда о Вавилонской башне.

Мне представляется, что самым опасным результатом процесса глобализации может стать почти полное уничтожение многих древних традиций и культур, которые до этого могли спокойно существовать на периферии цивилизации и в порах социума. Никогда в истории не было такого всеохватывающего тотального доминирования определенных идей и представлений, такого контроля со стороны государства и корпораций практически над всеми сферами жизни и деятельности.

Распад после апогея глобализации неизбежен, потому что в ее основе — пустота. Идеи демократии, общества потребления, роста и концентрации капитала пусты по своей

сути, в них нет смысла. Они не дают человеку ничего. И самое главное — чтобы когда все это рухнет, в мире остались бы живые ростки древних традиций, которые смогут дать начало новой цивилизации. Поэтому мы не должны допустить, чтобы сегодня то многообразие, которое пока существует в мире, было уничтожено.

На мой взгляд, временной мерой, которая способна хотя бы отчасти защитить традиции от уничтожения, может стать некая реинкарнация давно умершей либеральной идеи, но уже в новых реалиях. Основными постулатами должны стать ценность древних традиций и праксисов, а также невмешательство социума, в том числе государства, в традиционные культуры, медицину и т.д. Под невмешательством подразумевается также отказ от попыток запрета или ограничения традиционных практик. Оставьте китайским, тибетским, индийским, перуанским докторам и нашим травникам право лечить без всяких лицензий и бумажек от чиновников. Откажитесь от попыток лицензировать образовательную деятельность. Каждый носитель любой традиции имеет право обучать, как ему вздумается, а не как считает нужным государство. Сейчас нам обосновывают, что лицензирование и запреты — это все во благо, нас защищают от шарлатанов. Но судьи кто? Чиновники? Конкуренты? Нет уж, предоставьте нам самим решать — доверять носителям древних культур свою жизнь, здоровье, личностное развитие и образование или нет. А так все это больше напоминает расчистку конкурентного поля для деятельности глобальных корпораций. Возможно, у государства и должны быть некоторые защитные функции, но весь вопрос в границах. В том и состоит смысл либеральной идеи, что четко обозначаются границы, куда государство может вмешиваться, а куда — нет. В любом случае, его вмешательство не должно представлять угрозы для существования многообразия древних культур и традиций.

Цивилизация, руки прочь от древних медицинских традиций!

ЛИТЕРАТУРА

1. Есельсон С. Радикальное экзистенциальное мировоззрение –(заметки) // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2011. № 2 (19). С. 163 173.